

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ

ТОПОР — К БОЮ!

РАССКАЗ

Уже отсюда, с порога, ему стало ясно, что они действительно пришли в обиталище художника: тут он и работал (мольберт, столик с красками, затаившимися в тюбиках, измусоленные кисти, картины, там и сям приткнувшиеся лицом к стене), тут он, судя по всему, частенько и ночевал (вилки, ложки, стопка тарелок на просторной глади старинного стола, низенькая толпа пустых бутылок, небрежно застеленный пледом диван, увенчанный зелёной комковатой подушкой). Хозяин не запертой на замок мастерской был тут как тут. Высокий, крепкий, худощавый, он смахивал на цыгана: выющиеся чёрные кудри, обрамляющие смугловатое лицо, мерцающие карие глаза...

— Григорий, — коротко представился Филиппу художник и мгновенным радужным жестом пригласил входить и располагаться.

Филипп присел на стул и огляделся. Стены — от пола до потолка — обиты крепкой струганой доской; на двух — тех, что не видны с порога, небрежно развешаны картины разного формата — живопись; в дальнем полутёмном углу стояли ещё — одна другой в затылок — десятка полтора работ, все в самодельных рамках. Позолоченных багетов тут, видимо, не водилось... А, нет-нет!.. Вон стоят несколько хорошо обрамленных полотен — или для коллективной выставки, или для продажи...

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич родился в 1953 году в Курской области. Служил в армии, работал на стройках. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг "И было утро", "Рядом", "Подорожная", "Когда-нибудь...", "Лунный снег", "Живая даль" и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Попал сюда Филипп, можно сказать, случайно. В Центральном Доме художника к нему подошёл Аркадий Пахомов (у него он гостил однажды лет пять-шесть назад со старшим братом).

— Ты — Филипп? — запросто спросил он. — Брат Саньки?

— Филипп...

В загорелом, одетом в синюю клетчатую рубаху мужчине он не сразу узнал Аркадия. Его смутили борода и усы, чуть тронутые сединой; его он видел раньше тщательно выбритым.

— Как Санька, брат твой?

— Весь в работе!

— Понятно... Как всегда. А ты чем занимаешься?

— Учусь в Академии живописи, на первом курсе.

— О!.. Давай-ка, дорогой, мы пойдём сейчас в гости к моему другу, Гришке. Он серьёзный мужик. Здесь — ты смотрел же? — большей частью, выставка — бесхребетина, выпендрёж — вот он я, сын холуя! Нет руки, нет сильного, зоркого характера — нет картины. Согласен?

— И в чём цель вашего визита, позвольте узнать? — сунув руки в карманы, спросил хозяин мастерской.

— Да вот человека к тебе привёл, — садясь рядом с Филиппом, сказал Аркадий. — Молодой художник. В Академии, понимаешь, учишься.

— Это весомый повод, — согласился Гриша. И улыбнулся.

— А второй повод — освежить наши усталые мозги, Гриша.

— Два повода, и оба очень серьёзные. Прошу к столу, братья! А я мигом сполосну бокалы.

Над металлической раковиной тяжело забрякали-зазвякали гранёные стаканы, Аркадий бережно достал из пакета и водрузил на стол три пузатеньких бутылки “Светлой головы” и привычно заглянул в холодильник...

— Ну что, брат Длинная Рука, облагородила ли твои чуткие жилы огненная вода? — Аркадий сурово насунил брови и выставил на стол кулаки.

Гриша грозно глянул на Аркадия и тоже предъявил его взору крепкие кулаки.

— А не вспомнить ли нам старинную забаву, брат Белый Сокол?

Григорий скорным шагом направился к дивану и извлёк из-под него четыре лёгких плотничьих топора-тесака.

И зачем?.. Не понял Филипп. Чурбак на спор будут раскалывать? А зачем? Печки нет...

Григорий сунул два топорика другу и отошёл к дальней стене. Аркадий встал у противоположной.

— Филипп! — отрывисто сказал хозяин. — Посмотри-ка на моё мазилово. Отойди в сторонку...

— Топор — к бою!

— К бою!

Топорик Аркадия, кувыркаясь, пронёсся в воздухе и вонзился в стену, в то место, где только что маячила голова Гриши. Когда же он успел вернуться! Десяток метров!.. А тёмный метеор уже несся к другой стене!.. Глухой стук!.. Лезвие глубоко засело в доске рядом с плечом Аркадия...

Филиппа оторопь взяла. “Посмотри мазилово”! Тут... Господи, лишь бы уцелели! Кровь... Тюрьма...

Соперники, дважды поменявшись местами и отметив “норму”, видимо, приустиали и направились к раковине мыть руки. Шутили, брызгались, негромко разговаривали.

Григорий рассказывал другу о последних новостях.

— Лидка, первая моя, собрала в воскресенье у себя и вторую и нынешнюю мою, и провозгласила: мол, девки, Гришенька наш плоховато одет, надо его на днях вести в хороший магазин и приодеть по моде... А то как он в галерее и на выставке покажется? Что люди скажут? Художник он или кто?

— И что же решили?

— Решили вести в магазин. Сейчас думают: в какой...

— А ты что? Пойдёшь?

А как не пойдёшь? Не чужие же они мне... Зачем обижать? Тем более, кое-что у меня купили, деньги есть.

— Ну что, братя? За наш удалый поединок — по единой. А следующий поднимем за молодого художника. За его внутренний огонь.

— ...а вот ты спрашиваешь, как же мы друг друга не зарубили? Отвечаю: глаз! Ну, и реакция, конечно, и интуиция, разумеется...

Филипп отметил про себя: вторую бутылку допили, а все, как ни странно, в разуме.

...— Разумеется. Но глаз, не считая, конечно, душу, — главное. Скажешь, что рука? Рука суть продолжение глаза. Не более и не менее. Возьмём, для примера, Кустодиева... Ты посмотри, как у него всё работает, горит, движется. Там, помнишь, женщины пьют чай... Что тут такого? И композиция обычная... А как он их любит! Они для него — воплощение любви, материнства... лицо родины! Конечно, это душа его поёт, а он, её слыша, глазом зырит, выбирает цвет, кладёт его вот так, вот тут, именно тут!.. А Юон? Его пейзажи поют! Я вот здесь, на Ордынке, выхожу зимой... особенно в марте... прямо веет юоновским светом!.. Тебе сколько лет? Двадцать пять? Тебе надо сильно влюбиться, чтоб писать картину, внутри горя! Чтобы в печке тяга была ого-го! Я прав, Аркадий?

— Нет! Ему нужно влюбиться не сильно, а очень сильно!

— А вот Пахомову, как поэту, требуется не только снайперский глаз, но и абсолютный слух. Без него внутреннюю музыку не расслышишь. Будет не поэзия, а стихи... Тебе, кстати, знакомо имя Шикина? Ну ещё бы! Обласкан властями и прочее. Но, взгляды его — копии какие-то! Техники — море, а особенки, своего — ноль. Вот он и вылизывает картинку, вылизывает... А в итоге? Отличный подмастерье! А ты должен: топор — к бою! И послать этот топор сильной и точной рукой в цель! Расти сам себя, отметай лёгкие пути, учись въедливо... А!.. — Григорий засмеялся и приобнял Филиппа. — Тебя профессора ещё многому хорошему научат. Да, может, и я что-нибудь когда-нибудь подскажу. Только приходи без Аркадия, а то он и тебя в русско-индейскую игру втянет. А тебе нельзя... Ты ещё не любил сильно.

СЕРОЕ ЯБЛОКО

РАССКАЗ

1

Аслан, взлетев большой чёрной кошкой на второй ярус, негромко спросил:

— Спишь, Митька?

Дима, натянув одеяло до подбородка, буркнул:

— Сплю.

И повернулся на правый бок.

Какое там “сплю”! До самого утра ворочается с бока на бок, тихонько вздыхает. А под утро приходит к нему сон — один и тот же, странный.

Раньше, полгода назад, когда шло следствие, потом суд, он, приходя в камеру, засыпал почти мгновенно; едва голова касалась подушки, глаза сами собой закрывались, и он проваливался в тёмную и глухую яму забытья.

До утра. Должно быть, потрясения от увиденного и услышанного, от всего творящегося с ним, перелом в его судьбе выматывали до бессилия, до опустошения — и вот тогда открывалась спасительная тёмная и глухая яма.

Что и говорить, дивился он, воспитанный и благополучный парень, человеческой подлости.

За столом, откинувшись на спинку стула, сидит капитан, следовательно. Улыбка диковатая: два ряда узких и длинных белых зубов и обнажённые донельзя дёсны.

— Ну что, Дима, будем признаваться?

— Ну, а в чём?

— Мы же с тобой беседовали и вчера, и позавчера... Участвовал с двумя своими дружками в разбое, а? С газовым пистолетом был?

— Да как же я мог там быть — я вам уже говорил! — если в тот день к тёте ездил в Подмоскowie?

— Не знаю, не знаю, где ты был, но свидетель, хозяйка квартиры, указала на тебя, узнала.

— Не был я там! Не был!

— Ну-ну, ну-ну...

Та же неестественная улыбка щелкунчика. И глаза чистые, как у ребёнка.

— Был, был... Признаешься. Вот наденут на тебя противогаз, перекроют кислород, пощупают слегка твои рёбра... Признаешься, Дима.

Перекрывали... Считали, пересчитывали рёбра... До потери сознания.

А свидетель Берникова, действительно, сразу, уверенно указала на опознании на него. Она даже, кажется, не смотрела на лица стоявших рядом с Димой парней, да и на его лицо тоже. Его это удивило и озадачило: скользнула взглядом по ногам и без сомнения указала пальцем на него:

— Он! Этот!

И только в камере прояснилась вся эта странность. Бывалый человек, расспросив Диму, заулыбался:

— Ты же один в шеренге без шнурков на ботинках был, так?

— Та-а-к...

— Ну вот и разгадка. Ей, дурёхе, сказали: разбойник будет без шнурков. Гадюка!..

А непонятный сон, один и тот же сон, снился ему уже целую неделю. Вернее, это был не сон даже, полусон какой-то, что ли.

...В углу его комнаты валяются какие-то белые смятые бумажки. Он нагибается, чтобы их поднять и отнести в мусорное ведро. Он нагибается, протягивает руку — и тут сами собой открываются глаза. Рука висит в воздухе, как бы готовая приветствовать кого-то. И не дома он вовсе. Вон тусклая ночная лампочка в конце барака, чей-то мощный храп... Господи!

...О, вот оно, непонятное серое яблоко; висит в воздухе без всякой ветки. Надо взять его, стереть с него мягкой тряпочкой пыль, чтоб заалели, заблестели тугие сочные бока, и положить его потом на самое обозримое место, скажем, на стол или на телевизор.

Дима протягивает к нему руку, растопыривает пальцы; сейчас, сейчас... Сами собой открываются глаза. Рука висит в воздухе...

Непостижимое дело: сны, полусны, полуяви... Вон, дня два назад, бухнулся на пол с верхнего яруса Асланчик.

— Понимаешь, Митька, — рассказывал Аслан утром, — сплю себе, сплю — и вдруг сон: брат стоит в окопе, я лежу на бруствере, греюсь на солнышке. А тут началась пальба, стреляют по нам из автоматов. Чувствую удар в бок, ранило, значит. Спасаться надо. Пытаюсь свалиться в окоп, а никак не получается. Я напрягся один раз, другой раз... И вроде получилось, сползаю. И тут — бах! Глаза открываю, а я лежу лицом вниз на полу. Ну, думаю, расшибся, хрен встану. Думал, кричать тебе буду. А потом пошевелился, тихонько встал. Ничего вроде. Пыль стряхнул с себя и полез спать... Понимаешь, у нас войной всё пропитано: и дети пропитаны, и взрослые, и дома, и деревья, и горы... Ну ничего, Митька, поживём ещё, повеселимся. Так?

— Так, — грустно согласился Дима.
...Серое яблоко вновь висит перед глазами. И рука снова тянется к нему...

2

— Это знак тебе, памятка, — говорит Аслан, приглаживая седой висок. Седой у него почему-то только левый. — Ты о ком сегодня, вчера больше всего думал? О маме? О папе?

— Нет, о жене, об Инге, — смущенно признаётся Дима.

— А женат давно?

— Три месяца прожили вместе, а потом, сам знаешь...

— Это она! Она тебе знак любви шлёт! Понял? — Аслан вскочил со скамьи.

— У тебя на воле есть друзья?

— Есть. Друг.

— Я сейчас у ребят мобильник попрошу. Будешь звонить.

— Инге?

— Нет, другу. Ты должен жену поздравить тоже таинственно. Помнишь, какое сегодня число, какой день? Завтра Новый год, понял?

3

Дверь открыла Лия Кирилловна, высокая, статная, чуть полноватая женщина. Посмотрела в упор большими серыми глазами. Медленно улыбнулась.

— А Инга?..

— Нет, нет! — замахала руками Лия Кирилловна. — Её нет, её нет и когда придёт, не знаю, ушла с подругами куда-то веселиться. Всё-всё! До свидания!

Дверь захлопнулась. Щёлкнул замок.

Высокий темноволосый парень в чёрной куртке спустился на площадку между этажами и примостился у низенького окна.

Бережно уложив пухлый букет тёмно-красных роз у стекла, закурил тонкую сигару и о чём-то задумался.

Внизу время от времени хлопала дверь, слышались чьи-то голоса, потом голоса пропадали, растворялись на этажах или уплывали в лифте куда-то вверх...

Но вот по лестнице застучали чьи-то быстрые каблучки, и на площадке третьего этажа появилась невысокая девушка. Светлые длинные волосы, серые глаза, коротенькая белая шубка...

— Вы — Инга? — неторопливо приподнявшись, спросил парень в чёрной куртке.

— А вы кто? — обернулась девушка.

— Если вы Инга, то вам — через меня — поздравление с праздником.

Прошу принять цветы.

— От кого?

— С берегов Дона.

— Димка!..

4

...Серое яблоко висело в той же полупрозрачной, уже привычной для него пустоте. Дима протянул к нему руку, и оно само легло на ладонь, и было оно не прохладное, какими обычно бывают яблоки, а тёплое, почти невесомое. И вот оно засияло, заиграло, заискрилось, будто внутри поселилась маленькая радуга.

Аслан поднял голову с подушки. Димка во сне тихонько смеялся, улыбался, шевелил губами. У него было лицо счастливого человека.

АНАПА — БЕЛАЯ ШЛЯПА

РАССКАЗ

1

Получая свой багаж в аэропорту Анапы, я, наверное, кстати вспомнил высокого русого парня, стоявшего сколько-то лет назад в узком и длинном коридоре нашего купейного вагона и тихонько отбивавшего некий музыкальный такт костяшками пальцев на круглом приоконном поручне; при этом парень что-то напевал, плавно поводя туда-сюда крупной головой; шум постукивающих на рельсовых стыках тяжёлых колёс начисто глушил негромкую песню, и только тогда, когда парень возвышал голос (видимо, это был припев), звучало — по крайней мере для меня — вполне определённое:

*Анапа — белая шляпа...
Анапа — белый теплоход...*

И я, конечно же, сразу сообразил, что частично расслышанное мною сочинение есть не что иное, как вариация давно бытовавшей в раскованной части общества песенки “Поеду я в город Анапу, куплю себе модную шляпу...” Видно, парень оказался творцом не робкого десятка, а может быть, и не он, а его друг-приятель или безвестный землячок. К слову, слышал я эту песенку и в несколько иной, омрачённой версии:

*Надену я чёрную шляпу,
Поеду я в город Анапу
И буду лежать на песке
В своей непонятной тоске...*

Но, честно говоря, в те счастливые минуты мне было не до истинности услышанного текста (слов песни): за вагонными окнами роскошно таял летний вечер, и километр за километром близился славный город Курск, моя остановка; а поезду “Москва—Анапа” предстояло мчаться и мчаться сквозь звёздную ночь, унося своим мощным порывом русого парня на юг, к заветному морю...

2

Плотно устланный телами городской пляж разом отбил охоту купаться в тёплом море, и я незаметно для себя очутился в тенистой прохладе летнего кафе — за столиком, с большим бокалом красного вина в руке.

Вино, сухое вино... Вкусное сухое вино...

Однако седому горбоносому шашлычнику не понравилось кислое выражение лица нового посетителя, о чём он негромко ему и объявил. Посетитель коротко объяснил старику суть вопроса: угнетающая теснота у моря; вода, ограниченная там и сям бетонными пирсами, и густа, и липуча, и зелена, как кисель из ипоньского крыжовника; в гостинице, толкуют люди, регулярно отключают свет и воду... Вот тебе: Анапа, Анапа...

Не беда, сказал повидавший таких, как я, старый грек и, округлив порыбьи губы, задумался. Через два-три мгновения встрепенувшись и быстро-быстро поворачивая над углями шампуры с подрумяненными кусочками мяса, выдал подсказку: тебе, дорогуша, надо перебраться в Витязево, посёлок такой рядом есть, а там и пляж неоглядный, и вода в море вольно гуляет, и электричество всегда есть...

Так, благодаря доброму и своевременному совету старого грека, я очутился в уютном приморском посёлке. А Анапа?.. Вон она, в дымке, Анапа...

За много-много лет тело забыло тугие ласки волн, их властный накат, внезапные шумные капризы... Причин для необщения с водной стихией всегда было в достатке: то, сё, то, это... Нельзя сказать, что вовсе, годами, не видел моря; видел — и не раз; или из иллюминатора самолёта, или из окна поезда, а то и вблизи, рядом, когда шёл, скажем, неурочной порой — поздней осенью или зимой — берегом Каспийского, Балтийского, Белого, Чёрного или какого там ещё шумно припадающего прибоем к окраине России моря... А тут — начало августа, ласковый ветер, тёплое сияние неба... Сказка!.. Сказка!.. В этой вот сказке, на горячем песчаном просторе, и проходило моё праздное время. А чтобы его как-то разнообразить и обогатить, я утолял своё давнее любопытство к иным землям, иному укладу жизни. Меня неизменно влекло к изучению окрестностей того места, где я вдруг оказывался, к уяснению его истории, выискиванию особенки в окружающем.

Орудиями познания для меня (в таких необязательных занятиях) служат обычно пешие прогулки, географические карты местного, так сказать, масштаба и, само собой разумеется, книги, рассказывающие о былом края.

Что касается долгих прогулок, то именно благодаря им я довольно свободно ориентируюсь в городе или посёлке, даже если побывал там впервые лет двадцать назад. Карты же, позволяя взглянуть “сверху”, дают возможность понять, что и как в данном окрестном мире соотносится, не говоря уже о том наслаждении, которое даёт топонимика, то есть названия речек, островков, урочищ, городков, сёл и деревенок...

Так вот, читал я эти самые карты, или, понятнее выражаясь, с толком в них вглядывался, как правило, перед сном, под кровом частной гостиницы, где обосновался, отдалившись малость от Анапы. Путешествовал же по укутанному зелёному садов посёлку утром, слушая приглушённое гототание гусиных стад на пустырях да нестройные крики проспавших своё важнецкое дело петухов. Ну, а к морю отправлялся попозже, когда солнце уже достигало средних ветвей темневшего на соседней улице пирамидального тополя.

— Что, и сегодня читать будешь? — слышу вопрос Александра, моего соседа под тентом, рабочего из Брянска. Этот вопрос стал, можно сказать, второй фразой его ежедневного приветствия.

— Буду, — кротко отвечаю я. — Интересно...

Несмотря на упорную постановку вопроса, сосед, худощавый невысокий блондин, приветлив, улыбочив. Ну, подумаешь, один спросил, другой ответил... Мы же как-никак мужчины. А вот жена его, полная милая брюнетка, такого вопроса себе позволить не может; она — учительница.

Через день-другой (чувствую) дочитаю тщательный труд местного краеведа и примусь за изучение флоры и фауны Якутии, обычаев саха (так называют себя якуты), а успею ли добраться до их мифологии... Деваться же мне некуда: через полтора месяца я, коли буду жив и здоров, ступлю на трап самолёта, который полетит над холодными пустынями Севера в не виданный пока что город Якутск, на берега великой реки с нежным названием (именем) Лена.

— Ну опять ты, Саша... — тихонько выдыхает жена соседа и нетерпеливым жестом зовёт его купаться.

И что же я узнал об Анапе, её окрестностях и, в частности, о Витязеве? А узнал я, если по сути, вот что.

После ратных побед русских войск в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков владычество Турции в северном Причерноморье закончилось, и оно вошло в состав России. Как мать, протянула она спасительную руку братьям-единоверцам из бывшей Трапезундской империи, последнего оплота православия на Анатолийском полуострове. Греков, терпящих бедствия и утеснения со стороны османских властей, пригласили на постоянное житьё на северных благодатных берегах Чёрного моря. Первые греческие се-

мы, пройдя регистрацию в г. Темрюке и присягнув на верность русскому императору, получали российское подданство и на каждого человека мужского пола семь десятин земли в качестве первого подспорья. Но и здесь, на новом месте, переселенцев не ждали тишь да гладь; пришлось и грекам с оружием в руках наравне с казаками отражать набеги горцев. Видно, пока не окропишь землю своим потом да кровушкой, не станет она доподлинно твоей, родной.

Витязево получило официальный статус населённого пункта только в 1837 году и нынешнее название его — в память майора Витязя, который проявил беспримерное мужество в бою с горцами.

В середине девятнадцатого века шло постоянное заселение Анапской земли русскими людьми. Вот и появились станицы Зелёная (позднее она стала называться Николаевской, а потом Анапской), Благовещенская, Суворовская, Александровская...

А вот ещё один любопытный факт.

В середине уже упомянутого века в Витязево был построен винный подвал Давыдовых (тех самых, что были кудрявой ветвью знаменитого генерала Давыдова, героя Отечественной войны 1812 года, доброго знакомого Пушкина).

— Что, интересно, говоришь? — спрашивает сосед Саша, вытирая полотенцем мокрую голову.

5

Пока я долго и мечтательно глядел на гряды барханов, в которую упирается северная сторона нескончаемого пляжа, пока я глядел туда и о чём-то думал, вечер незаметно окрасился закатом и вокруг стало смеркаться.

Я спохватился и, собрав в сумку свои немногие вещички, отправился краем моря восвояси. Идти босиком по влажному песку, глядеть на укутанную синеватой мглой Анапу, дышать трепещущим вольным воздухом — удовольствие ли это из числа тех, что живут в памяти долго и осязаемо?

— Ребята! Кто не видел чудо морского заката — смотрите! — Звонкий девичий голос остановил бредущих впереди меня, выпрямил копошащихся у своих лежаков, поставил на ноги подплывающих к берегу; все обернулись лицом на запад; раскалённый шарик зримо скользил вниз (будто кто-то тянул его за ниточку), к потемневшей водной равнине... За два-три десятка секунд дневное светило быстро одолело довольно приличный отрезок своего пути и скрылось в пучине, оставив узкую полоску лимонного цвета. Пока я вместе со всеми наблюдал “чудо морского заката”, впереди, справа, позади тихонько мигали и щёлкали фотоаппараты; похоже, общее созерцание живой яркой картины объединило в эту минуту и старых, и малых. Ни резких голосов, ни шума, ни гама.

Странное дело, подумал я, сворачивая на дощатый тротуар, ведущий от моря к посёлку, а ведь сегодняшний закат разнится с закатами в срединной Руси; и не господство больших и малых холмов, накрытых зелёными и жёлтыми нивами, и не плавные изгибы речных долин, и не кудрявые гривы выглядывающих из лоцин перелесков, — вовсе не это составляет отличие.

Другое, совсем другое...

Помню какой-то летний вечер, когда дед сидел в одиночестве на лавке у ворот и смотрел в закатную сторонку. Смотрел долго, внимательно, словно боясь что-то упустить. Я же вглядывался в чеканный профиль деда, любовался седым ёжиком волос, короткими усами и бородкой, и мне казалось, что это и не дед мой вовсе, а какой-то былинный мудрец.

Помню ещё один летний вечер, когда мать и отец сидели рядышком на новой лавке у новых ворот и смотрели молча на заход солнца. Смотрели долго, внимательно, словно там невесть что было. Губы матери беззвучно шевелились... Губы отца были крепко сжаты. И внезапная жалость обожгла моё молодое сердце. Я понял, почувствовал их тихие, похожие одна на другую думы: да, жизнь потихоньку, почти неощутимо сходит на нет, и не бывать больше детству и молодости, и нет впереди старших, и всё ближе, всё неумолимее последний край...

Разве навевает нечто такое скорое скольжение светила по краю небосвода к морской зыби?

Помню, как жестокая обида на беспощадный ход времени, на невозможность снять его оковы и бремя с самых милых и драгоценных людей на миг ослепила меня и погнала к глазам горячие слёзы... Но я был молод, крепок, плакать мне ещё не полагалось.

Долгий-долгий заход солнца над широкой громадой холма и долгая-долгая заря...

6

“Зелёный парус” был приятен своей простотой: деревянные столы и скамьи, накрытый зелёной холстиной временный зал с такими же зелёными боковинами. Распоряжался в данном заведении мужчина в полосатой рубашке с короткими рукавами, то ли хозяин кафе, то ли метрдотель, похожий на одного милovidного прибалтийского актёра. Молоденькие официантки, руководимые его взглядом, моментально появлялись именно в ту минуту и именно там, где требовалось их присутствие. Кого-то из посетителей он обслуживал сам — аккуратно, внимательно. В число таковых попал нечаянно и я.

— Чего-то вам не хватает? — участливо спросил “прибалт”, ставя на стол тарелку с креветками.

— Живой музыки... — простодушно ответил я.

— Хорошее желание! — кивнул он и тотчас удалился.

Причёсывая (по памяти) написанную поутру страничку текста, я ушёл в себя и потому невольно вздрогнул от внезапного резкого звука и повёл перед собой глазами, ища его источник.

Да вот он!.. У стойки бара, в пяти шагах, я увидел отливающий серебром саксофон, а потом уже — и самого музыканта, мальчишку лет двенадцати-тринадцати. Подбадривая себя, он качнул головой и наклонился к инструменту...

Протяжный всхлип, миновав меня, поплыл по летнему залу.

Вообще-то я не поклонник джаза (а наметилась именно джазовая композиция), но и не хулитель, и не равнодушный его слушатель; мне нравится разная музыка (та, что нравится уху), а уж кто там — Луи Армстронг или Игорь Бутман...

А музыка уже властно влекла в свои высоты и свои просторы, и я, жаждавший холодной влаги, забыл о своём пиве, о “Зелёном парусе”, о самом себе; сознание ушло куда-то в сторону, в тень; я расслабился, растрогался; ощущения странно раздвоились: слух наполнила тоскующая мелодия, зрение же уловило за чёрной полосой вечернего неба, рассекающей зелёный потолок зала, знакомую картинку: бревенчатый дом на глубокой опушке ночного соснового бора и сияющая над ним тихая луна... Да я же совсем недавно приехал отсюда, “с милого севера”! И вот на тебе! Нашло и здесь, напомнило о себе дальше подлунье и, видимо, подспудно готовит меня к отъезду.

Я закрыл глаза — и увидел яркий полдень.

...Налетающий из степи ветер не даёт разгуляться волнам, и это радует купальщиков и купальщиц, особенно же — детишек. Нарукавники-дутьши, жёлтые, красные, синие круги придают ребятишкам уверенности в своих силах, но, увы, похоже, не всем. Иные боятся доверить себя воде, огромная, ходящая ходуном ширь их ужасает, и они, цепляясь за шеи и руки взрослых, вопят, просятся на прочную, надёжную сушу.

...Вдалеке от шума волн, у подножия барханов, действуют день-деньской два рослых заведения, известные в народе под названием “тарзанки”; одно щекочет нервы взрослым, другое — детям. Дети могут развлекать себя сами: оттолкнувшись ногами от упругой сетки батута, они, подхваченные длинными яркими резинками, улетают вверх... Вверх-вниз... Взрослым же помогают взрослые.

Загорелый сутулый мужичок в красной линиялой панамке и такого же цвета шортах под учащённое ритмичное буханье динамиков увлекает пристёгнутого к сиденьцу какого-то азартного парня от центра к переднему

краю площадки, где прищёлкивает его карабином к торчащему из песка металлическому стержню. Со стороны кажется, что сутулый посадил любителя острых ощущений на кол. Напарник сутулого, загорелый черноволосый кудряш в чёрных очках, пройдясь туда-сюда по вязкому песку, даёт команду, и отпущенное на волю тело мгновенно улетает в высь...

— Ай, молодца! Есть, есть в Перми смелые люди! — комментирует кудряш этот ограниченный упругими жёлтыми тросами полёт смельчака. Слова его, смешанные с неживой хрипотцой микрофона, вновь зазывно звучат над жарким простором пляжа:

— Кто ещё смел? Подходите к нам, покажите всем свой характер, дайте друзьям пример!

Бу-бу... бу-бу-бу... Ритмичные удары (гулкая часть какого-то сочинения), усиленные чёрными стоячими колонками, разносятся над песчаной равниной, над беспокойной морской водой.

Бу-бу... бу-бу-бу... Считай, с утра и, считай, до вечера.

А там, за дальним изгибом берега, посверкивает какими-то стеклянными гранями славная Анапа. “Анапа — белая шляпа...”

...Возникшая из ниоткуда тишина заставляет поднять веки. Мальчишки с серебристым саксофоном у стойки бара уже нет, будто в один миг волной смыло. Сладостно-тягучие звуки его импровизации растворились в тёмном воздухе наступающей южной ночи, и я остался наедине с ополовиненной кружкой пива, распотрошённой закуской и случайными воспоминаниями.

Я подзываю “прибалта” и протягиваю купюру:

— Это юному музыканту!

— Зачем?.. Мальчику дороги внимание и понимание. Так что извините...

7

Я всё-таки купил шляпу. Белую, конечно, поскольку у меня не было ни малейшего повода для того, чтобы именно в чёрной отрешённо лежать “... в своей непонятной тоске”. Однако пощеголять в изящной обнове не пришлось — в запале добросердечной беседы я подарил её знакомому из Брянска, о чём, признаться, не жалею. Она ему к лицу. Да и вообще...

Что касается белого теплохода, то скажу откровенно: видел однажды на горизонте, но трепета не испытал. То ли давнишняя песенка и не подразумевала в своих героях таких, как я, то ли я до сих пор так и не понял её истинного смысла.